

Ларошфуко

МАКСИМЫ

Франсуа Ларошфуко

Максимы

«Фолио»

1665

Ларошфуко Ф. д.

Максимы / Ф. д. Ларошфуко — «Фолио», 1665

ISBN 966-03-1994-0

Франсуа де Ларошфуко (1613–1680), французский писатель-моралист, мастер психологического анализа и превосходный стилист, оставил в наследство потомкам глубокие, не утратившие актуальности даже спустя три с лишним столетия философские размышления о человеческих пороках и добродетелях. Лаконичный отточенный язык и великолепная афористическая форма превратили его максимы в вершину публицистической прозы.

ISBN 966-03-1994-0

© Ларошфуко Ф. д., 1665

© Фолио, 1665

Содержание

МАКСИМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	6
МАКСИМЫ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Франсуа де Ларошфуко Максимы

1613–1680

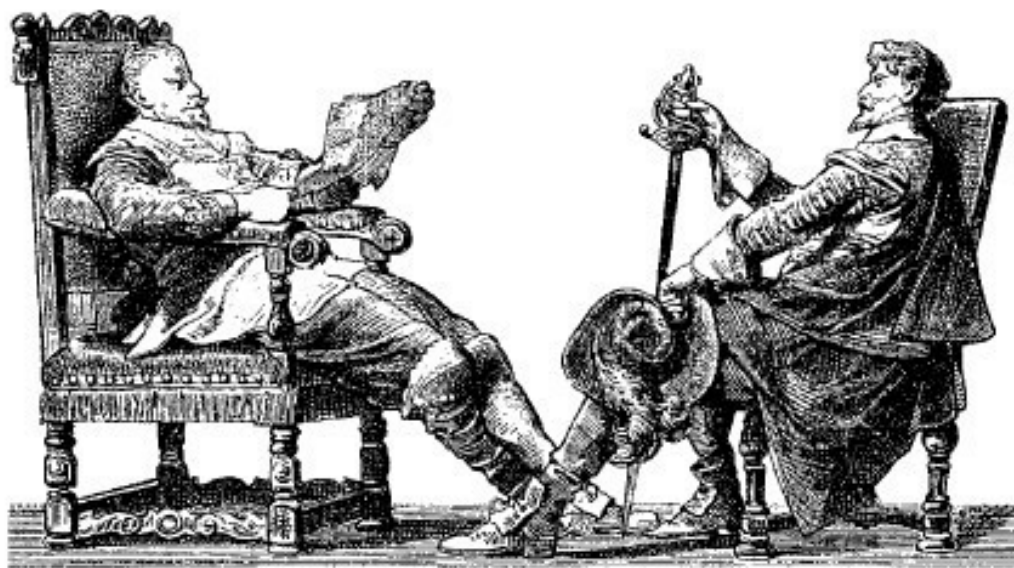
МАКСИМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

(К первому изданию 1665 г.)

Я представляю на суд читателей это изображение человеческого сердца, носящее название «Максимы и моральные размышления». Оно, может статься, не всем понравится, ибо кое-кто, вероятно, сочтет, что в нем слишком много сходства с оригиналом и слишком мало лести. Есть основания предполагать, что художник не обнаружил бы своего творения и оно по сей день пребывало бы в стенах его кабинета, если бы из рук в руки не передавалась искаженная копия рукописи; недавно она добралась до Голландии, что и побудило одного из друзей автора вручить мне другую копию, по его уверению, вполне соответствующую подлиннику. Но как бы верна она ни была, ей вряд ли удастся избежать порицания иных людей, раздраженных тем, что кто-то проник в глубины их сердца: они сами не желают его познать, поэтому считают себя вправе воспретить познание и другим. Бесспорно, эти «Размышления» полны такого рода истинами, с которыми не способна примириться человеческая гордыня, и мало надежд на то, что они не возбудят ее вражды, не навлекут нападков хулителей. Поэтому я и помещаю здесь письмо, написанное и переданное мне сразу после того, как рукопись стала известна и каждый тщился высказать свое мнение о ней. Письмо это с достаточной, на мой взгляд, убедительностью отвечает на главные возражения, могущие возникнуть по поводу «Максим», и объясняет мысли автора: оно неопровержимо доказывает, что эти «Максимы» – всего-навсего краткое изложение учения о нравственности, во всем согласного с мыслями некоторых Отцов Церкви, что их автор и впрямь не мог заблуждаться, вверившись столь испытанным вожатым, и что он не совершил ничего предосудительного, когда в своих рассуждениях о человеке лишь повторил некогда ими сказанное. Но даже если уважение, которое мы обязаны к ним питать, не усмирит недоброхотов и они не постесняются вынести обвинительный приговор этой книге и одновременно – воззрениям святых мужей, я прошу читателя не подражать им, подавить разумом первый порыв сердца и, обуздав по мере сил себялюбие, не допустить его вмешательства в суждение о «Максимах», ибо, прислушавшись к нему, читатель, без сомнения, отнесется к ним неблагоприятно: поскольку они доказывают, что себялюбие растлевает разум, оно не преминет восстановить против них этот самый разум. Пусть читатель помнит, что предубеждение против «Максим» как раз и подтверждает их, пусть проникнется сознанием, что чем запальчивее и хитроумнее он с ними спорит, тем непреложнее доказывает их правоту. Поистине трудно будет убедить любого здравомыслящего человека, что зоилами этой книги владеют чувства иные, нежели тайное своекорыстие, гордость и себялюбие. Короче говоря, читатель изберет благую участь, если заранее твердо решит про себя, что ни одна из указанных максим не относится к нему в частности, что, хотя они как будто затрагивают всех без исключения, он – тот единственный, к кому они не имеют никакого касательства. И тогда, ручаясь, он не только с готовностью подпишет под ними, но даже подумает, что они слишком снисходительны к человеческому сердцу. Вот что я хотел сказать о содержании книги. Если же кто-нибудь обратит внимание на методу ее составления, то должен отметить, что, на мой взгляд, каждую максиму нужно было бы озаглавить по предмету, в ней трактованному, и что расположить их следовало бы в большем порядке. Но я не мог этого сделать, не нарушив общего строения врученной мне рукописи; а так как порою один и тот же предмет упоминается в нескольких максимах, то люди, к которым я обратился за советом, рассудили, что всего правильнее будет составить Указатель для тех читателей, которым придет охота прочесть подряд все размышления на одну тему.

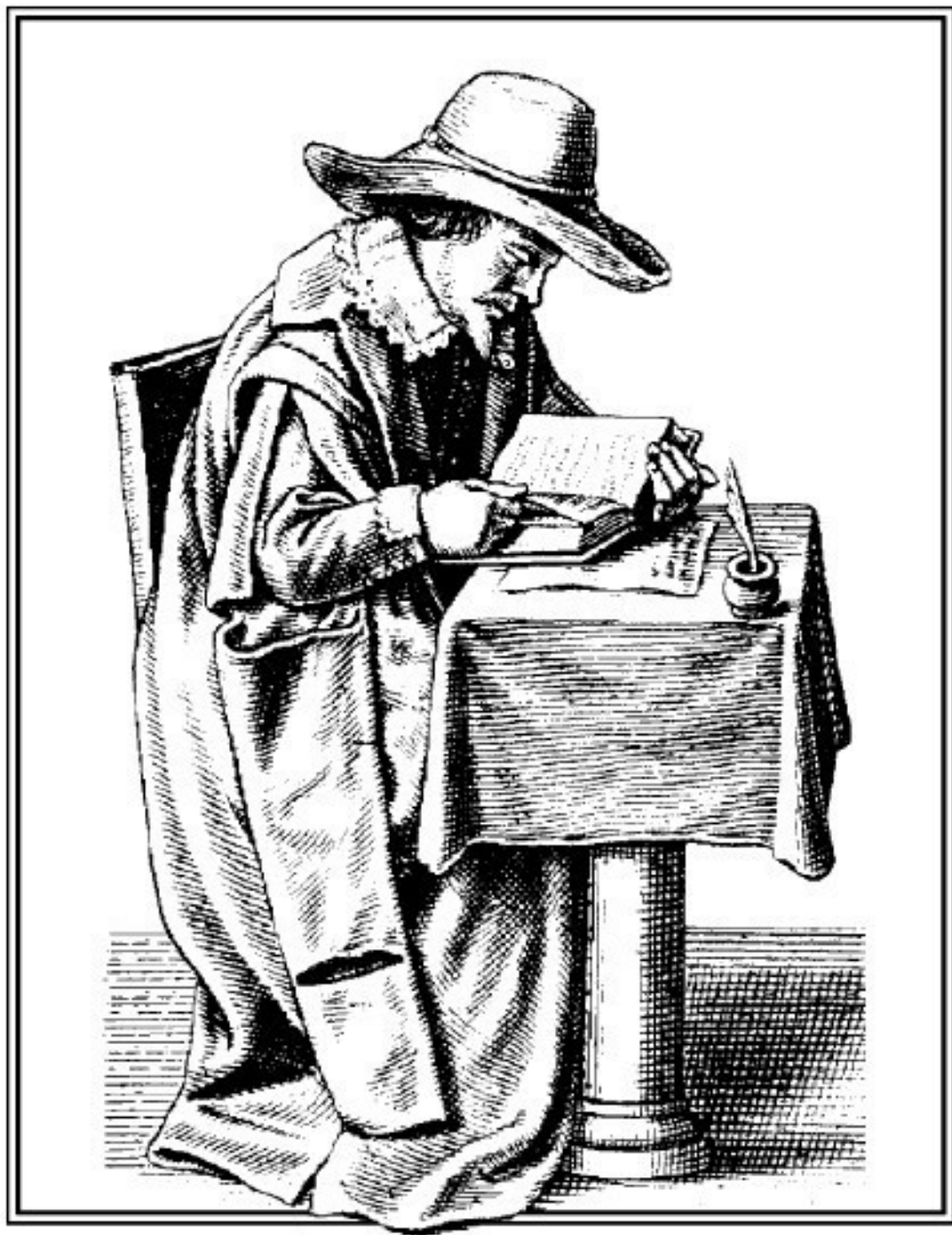

МАКСИМЫ

МАКСИМЫ

Наши добродетели – это чаще всего искусно переряженные пороки.

1

То, что мы принимаем за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков, искусно подобранных судьбой или нашей собственной хитростью; так, напри-

мер, порою женщины бывают целомудренны, а мужчины – доблестны совсем не потому, что им действительно свойственны целомудрие и доблесть.

2

Ни один льстец не льстит так искусно, как себялюбие.

3

Сколько ни сделано открытий в стране себялюбия, там еще осталось вдоволь неисследованных земель.

Ни один хитрец не сравнится в хитрости с себялюбом.

5

Долговечность наших страстей не более зависит от нас, чем долговечность жизни.

6

Страсть часто превращает умного человека в глупца, но не менее часто наделяет дураков умом.

7

Великие исторические деяния, ослепляющие нас своим блеском и толкуемые политиками как следствие великих замыслов, чаще всего являются плодом игры прихотей и страстей. Так, война между Августом и Антонием, которую объясняют их честолюбивым желанием властвовать над миром, была, возможно, вызвана просто-напросто ревностью.

8

Страсти – это единственные ораторы, доводы которых всегда убедительны; их искусство рождено как бы самой природой и зиждется на непреложных законах. Поэтому человек бесхитростный, но увлеченный страстью, может убедить скорее, чем красноречивый, но равнодушный.

9

Страстям присущи такая несправедливость и такое своекорыстие, что доверять им опасно и следует их остерегаться даже тогда, когда они кажутся вполне разумными.

10

В человеческом сердце происходит непрерывная смена страстей, и угасание одной из них почти всегда означает торжество другой.

Наши страсти часто являются порождением других страстей, прямо им противоположных: скупость порой ведет к расточительности, а расточительность – к скупости; люди нередко стойки по слабости характера и отважны из трусости.

12

Как бы мы ни старались скрыть наши страсти под личиной благочестия и добродетели, они всегда проглядывают сквозь этот покров.

13

Наше самолюбие больше страдает, когда порицают наши вкусы, чем когда осуждают наши взгляды.

14

Люди не только забывают благодеяния и обиды, но даже склонны ненавидеть своих благодетелей и прощать обидчиков.

Необходимость отблагодарить за добро и отомстить за зло кажется им рабством, которому они не желают покоряться.

15

Милосердие сильных мира сего чаще всего лишь хитрая политика, цель которой – завоевать любовь народа.

16

Хотя все считают милосердие добродетелью, оно порождено иногда тщеславием, нередко ленью, часто страхом, а почти всегда – и тем, и другим, и третьим.

17

Умеренность счастливых людей проистекает из спокойствия, даруемого неизменной удачей.

18

Умеренность – это боязнь зависти или презрения, которые становятся уделом всякого, кто ослеплен своим счастьем; это суетное хвастовство мощью ума; наконец, умеренность людей, достигших вершин удачи, – это желание казаться выше своей судьбы.

19

У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего.

20

Невозмутимость мудрецов – это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца.

21

Невозмутимость, которую проявляют порой осужденные на казнь, равно как и презрение к смерти, говорит лишь о боязни взглянуть ей прямо в глаза; следовательно, можно сказать, что то и другое для их разума – все равно что повязка для их глаз.

Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией.

23

Немногим людям дано постичь, что такое смерть; в большинстве случаев на нее идут не по обдуманному намерению, а по глупости и по заведенному обычаю, и люди чаще всего умирают потому, что не могут воспротивиться смерти.

24

Когда великие люди наконец сгибаются под тяжестью длительных невзгод, они этим показывают, что прежде их поддерживала не столько сила духа, сколько сила честолюбия, и что герои отличаются от обыкновенных людей только большим тщеславием.

Достойно вести себя, когда судьба благоприятствует, труднее, чем когда она враждебна.

26

Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.

27

Люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться.

25

Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковым, между тем как зависть слепо негодует на то, что какое-то достояние есть и у наших ближних.

29

Зло, которое мы причиняем, навлекает на нас меньше ненависти и преследований, чем наши достоинства.

30

Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели; на самом же деле мы не бессильны, а безвольны.

31

Не будь у нас недостатков, нам было бы не так приятно подмечать их у ближних.

32

Ревность питается сомнениями; она умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность.

33

Гордость всегда возмещает свои убытки и ничего не теряет, даже когда отказывается от тщеславия.

34

Если бы нас не одолевала гордость, мы не жаловались бы на гордость других.

35

Гордость свойственна всем людям; разница лишь в том, как и когда они ее проявляют.

36

Природа, в заботе о нашем счастье, не только разумно устроила органы нашего тела, но еще подарила нам гордость, – видимо, для того, чтобы избавить нас от печального сознания нашего несовершенства.

37

Не доброта, а гордость обычно побуждает нас читать наставления людям, совершившим проступки; мы укоряем их не столько для того, чтобы исправить, сколько для того, чтобы убедить в нашей собственной непогрешимости.

Мы обещаем соразмерно нашим расчетам, а выполняем обещанное соразмерно нашим опасениям.

39

Своекорыстие говорит на всех языках и разыгрывает любые роли – даже роль бескорыстия.

40

Одних своекорыстие ослепляет, другим открывает глаза.

41

Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому.

42

У нас не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка.

Человеку нередко кажется, что он владеет собой, тогда как на самом деле что-то владеет им; пока разумом он стремится к одной цели, сердце незаметно увлекает его к другой.

44

Сила и слабость духа – это просто неправильные выражения: в действительности же существует лишь хорошее или плохое состояние органов тела.

45

Наши прихоти куда причудливее прихотей судьбы.

46

В привязанности или равнодушии философов к жизни сказывались особенности их себя-любия, которые так же нельзя оспаривать, как особенности вкуса, как склонность к какому-нибудь блюду или цвету.

47

Все, что посылает нам судьба, мы оцениваем в зависимости от расположения духа.

48

Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви.

49

Человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому.

50

Люди, верящие в свои достоинства, считают долгом быть несчастными, дабы убедить таким образом и других и себя в том, что судьба еще не воздала им по заслугам.

51

Что может быть сокрушительнее для нашего самодовольства, чем ясное понимание того, что сегодня мы порицаем вещи, которые еще вчера одобряли.

52

Хотя судьбы людей очень несхожи, но некоторое равновесие в распределении благ и несчастий как бы уравнивает их между собой.

53

Какими бы преимуществами природа ни наделила человека, создать из него героя она может, лишь призвав на помощь судьбу.

54

Презрение философов к богатству было вызвано их сокровенным желанием отомстить несправедливой судьбе за то, что она не наградила их по достоинствам жизненными благами; оно было тайным средством, спасающим от унижений бедности, и окольным путем к почету, обычно доставляемому богатством.

55

Ненависть к людям, попавшим в милость, вызвана жадой этой самой милости. Досада на ее отсутствие смягчается и умиротворяется презрением ко всем, кто ею пользуется; мы отказываем им в уважении, ибо не можем отнять того, что привлекает к ним уважение всех окружающих.

56

Чтобы упрочить свое положение в свете, люди старательно делают вид, что оно уже упрочено.

57

Как бы ни кичились люди величием своих деяний, последние часто бывают следствием не великих замыслов, а простой случайности.

58

Наши поступки словно бы рождаются под счастливой или несчастной звездой; ей они и обязаны большей частью похвал или порицаний, выпадающих на их долю.

59

Не бывает обстоятельств столь несчастных, чтобы умный человек не мог извлечь из них какую-нибудь выгоду, но не бывает и столь счастливых, чтобы безрассудный не мог обратить их против себя.

60

Судьба все устраивает к выгоде тех, кому она покровительствует.

61

Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как от судьбы.

62

Искренность – это чистосердечие. Мало кто обладает этим качеством, а то, что мы принимаем за него, чаще всего просто тонкое притворство, цель которого – добиться откровенности окружающих.

63

За отвращением ко лжи нередко кроется затаенное желание придать вес нашим утверждениям и внушить благоговейное доверие к нашим словам.

64

Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость.

65

Каких только похвал не возносят благоразумию! Однако оно не способно уберечь нас даже от ничтожнейших превратностей судьбы.

66

Дальновидный человек должен определить место для каждого из своих желаний и затем осуществлять их по порядку. Наша жадность часто нарушает этот порядок и заставляет нас преследовать одновременно такое множество целей, что в погоне за пустяками мы упускаем существенное.

67

Изящество для тела – это то же, что здравый смысл для ума.

68

Трудно дать определение любви; о ней можно лишь сказать, что для души – это жажда властвовать, для ума – внутреннее сродство, а для тела – скрытое и утонченное желание обладать, после многих околичностей, тем, что любишь.

69

Чиста и свободна от влияния других страстей только та любовь, которая таится в глубине нашего сердца и неведома нам самим.

70

Никакое притворство не поможет долго скрывать любовь, когда она есть, или изображать – когда ее нет.

71

Нет таких людей, которые, перестав любить, не начали бы стыдиться прошедшей любви.

72

Если судить о любви по обычным ее проявлениям, она больше похожа на вражду, чем на дружбу.

73

На свете немало таких женщин, у которых в жизни не было ни одной любовной связи, но очень мало таких, у которых была только одна.

74

Любовь одна, но подделок под нее – тысячи.

75

Любовь, подобно огню, не знает покоя: она перестает жить, как только перестает надеяться или бояться.

76

Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел.

77

Любовь прикрывает своим именем самые разнообразные человеческие отношения, будто бы связанные с нею, хотя на самом деле она участвует в них не более, чем дож в событиях, происходящих в Венеции.

78

У большинства людей любовь к справедливости – это просто боязнь подвергнуться несправедливости.

79

Тому, кто не доверяет себе, разумнее всего молчать.

80

Мы потому так непостоянны в дружбе, что трудно познать свойства души человека и легко познать свойства его ума.

81

Мы способны любить только то, без чего не можем обойтись; таким образом, жертвуя собственными интересами ради друзей, мы просто следуем своим вкусам и склонностям. Однако именно эти жертвы делают дружбу подлинной и совершенной.

82

Примирение с врагами говорит лишь об усталости от борьбы, о боязни поражения и о желании занять более выгодную позицию.

83

Люди обычно называют дружбой совместное времяпрепровождение, взаимную помощь в делах, обмен услугами – одним словом, такие отношения, где себялюбие надеется что-нибудь выгадать.

84

Не доверять друзьям позорнее, чем быть ими обманутым.

85

Мы часто убеждаем себя в том, что действительно любим людей, стоящих над нами; между тем такая дружба вызвана одним лишь своекорыстием: мы сближаемся с этими людьми не ради того, что хотели бы им дать, а ради того, что хотели бы от них получить.

86

Своим недоверием мы оправдываем чужой обман.

87

Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос.

88

Самолюбие увеличивает или умаляет добродетели наших друзей в зависимости от того, насколько мы довольны этими людьми: об их достоинствах мы судим по их отношению к нам.

89

Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум.

90

В повседневной жизни наши недостатки кажутся порою более привлекательными, чем наши достоинства.

91

Самое большое честолюбие прячется и становится незаметным, как только его притязания наталкиваются на непреодолимые преграды.

92

Вывести из заблуждения человека, убежденного в собственных достоинствах, значит оказать ему такую же дурную услугу, какую некогда оказали тому афинскому безумцу, который считал себя владельцем всех кораблей, прибывающих в гавань.

93

Старики потому так любят давать хорошие советы, что уже не способны подавать дурные примеры.

94

Громкое имя не возвеличивает, а лишь унижает того, кто не умеет носить его с честью.

95

Поистине необычайными достоинствами обладает тот, кто сумел заслужить похвалу своих завистников.

96

Неблагодарность остается неблагодарностью даже и в том случае, когда благодетельствованный повинен в ней меньше, чем благодетель.

97

Неправ тот, кто считает, будто ум и проницательность – различные качества. Проницательность – это просто особенная ясность ума, благодаря которой он добирается до сути вещей, отмечает все, достойное внимания, и видит невидимое другим. Таким образом, все, приписываемое проницательности, является лишь следствием необычайной ясности ума.

98

Все расхваливают свою доброту, но никто не решается похвалить свой ум.

99

Учтивость ума заключается в способности думать достойно и утонченно.

100

Изысканность ума сказывается в умении тонко льстить.

101

Порою в нашем уме рождаются мысли в форме уже такой отточенной, какую он никогда не смог бы придать им, сколько бы ни ухищрялся.

102

Ум всегда в дураках у сердца.

103

Не всякий человек, познавший глубины своего ума, познал глубины своего сердца.

104

На каждого человека, как и на каждый поступок, следует смотреть с определенного расстояния. Иных можно понять, рассматривая их вблизи, другие же становятся понятными только издали.

105

Умен не тот, кого случай делает умным, а тот, кто понимает, что такое ум, умеет его распознать и любит его им.

106

Чтобы постичь окружающий нас мир, нужно знать его во всех подробностях, а так как этих подробностей почти бесчисленное множество, то и знания наши всегда поверхностны и несовершенны.

107

Люди кокетничают, когда делают вид, будто им чуждо всякое кокетство.

108

Уму не под силу долго разыгрывать роль сердца.

109

Юность меняет свои вкусы из-за пылкости чувств, а старость сохраняет их неизменными по привычке.

110

Мы ничего не раздаем с такой щедростью, как советы.

111

Чем сильнее мы любим женщину, тем больше склонны ее ненавидеть.

112

К старости недостатки ума становятся все заметнее, как и недостатки внешности.

113

Бывают удачные браки, но не бывает браков упоительных.

114

Люди безутешны, когда их обманывают враги или предают друзья, но они нередко испытывают удовольствие, когда обманывают или предают себя сами.

115

Так же легко обмануть себя и не заметить этого, как трудно обмануть другого и не быть изобличенным.

116

Сколько лицемерия в людском обычае советоваться! Тот, кто просит совета, делает вид, что относится к мнению своего друга с почтительным вниманием, хотя в действительности ему нужно лишь, чтобы кто-то одобрил его поступки и взял на себя ответственность за них. Тот же, кто дает советы, притворяется, будто платит за оказанное доверие пылкой и бескорыстной жаждой услужить, тогда как на самом деле обычно рассчитывает извлечь таким путем какую-либо выгоду или снискать почет.

117

Притворяясь, будто мы попали в расставленную нам ловушку, мы проявляем поистине утонченную хитрость, потому что обмануть человека легче всего тогда, когда он хочет обмануть нас.

118

Если мы решим никогда не обманывать других, они то и дело будут обманывать нас.

119

Мы так привыкли притворяться перед другими, что под конец начинаем притворяться перед собой.

120

Предательства совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по слабости характера.

121

Люди делают добро часто лишь для того, чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло.

Мы сопротивляемся нашим страстям не потому, что мы сильны, а потому, что они слабы.

123

Люди не знали бы удовольствия в жизни, если бы никогда себе не льстили.

124

Истинно ловкие люди всю жизнь делают вид, что гнушаются хитростью, а на самом деле они просто прибегают к ней для исключительных случаев, обещающих исключительную выгоду.

125

Злоупотребление хитростью говорит об ограниченности ума; люди, пытающиеся прикрыть таким способом свою наготу в одном месте, неизбежно разоблачают себя в другом.

126

Хитрость и предательство свидетельствуют лишь о недостатках ловкости.

127

Вернейший способ быть обманутым – это считать себя хитрее других.

128

Преувеличенная тонкость ведет к пустой щепетильности; только в истинной щепетильности скрыта настоящая тонкость.

129

Иногда достаточно быть грубым, чтобы избежать ловушки хитреца.

130

Слабость характера – это единственный недостаток, который невозможно исправить.

131

Легкое поведение – это наименьший недостаток женщин, известных своим легким поведением.

132

Проявить мудрость в чужих делах куда легче, нежели в своих собственных.

133

Копии хороши лишь тогда, когда они открывают нам смешные стороны дурных оригиналов.

134

В людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те, на которые они претендуют.

135

Порою человек так же мало похож на себя, как и на других.

136

Иные люди только потому и влюбляются, что они слышаны о любви.

137

Люди охотно молчат, если тщеславие не побуждает их говорить.

138

Люди скорее согласятся себя чернить, нежели молчать о себе.

139

Одна из причин того, что умные и приятные собеседники так редки, заключается в обыкновении большинства людей отвечать не на чужие суждения, а на собственные мысли. Тот, кто похитрее и пообходительнее, пытается изобразить на своем лице внимание, но его глаза и весь облик выдают отсутствие интереса к тому, что говорит другой, и нетерпеливое желание вернуться к тому, что намерен сказать он сам. Мало кто понимает, что такое старание угодить себе – плохой способ угодить другому или убедить его и что, только умея слушать и отвечать, можно быть хорошим собеседником.

140

Умный человек нередко попадал бы в затруднительное положение, не будь он окружен дураками.

141

Мы любим похвалиться тем, что никогда не скучаем; тщеславие не позволяет нам признать, что в обществе нас могут счесть плохими собеседниками.

142

В то время как люди умные умеют выразить многое в немногих словах, люди ограниченные, напротив, обладают способностью много говорить – и ничего не сказать.

143

Преувеличивая чужие добродетели, мы отдаем дань не столько им, сколько нашим собственным чувствам; мы ищем похвал себе, делая вид, что хвалим других.

144

Люди не любят хвалить и никогда не хвалят бескорыстно. Похвала – это искусная, скрытая, изящная лесть, приятная и тому, кто льстит, и тому, кому льстят: один принимает ее как награду за свои достоинства, другой преподносит, чтобы доказать свою справедливость и проныцательность.

145

Мы часто выискиваем отравленные похвалы, косвенно открывающие в тех, кого мы хвалим, такие недостатки, на которые мы не осмеливаемся указать прямо.

146

Мы хвалим других обычно лишь для того, чтобы услышать похвалу себе.

147

Люди редко бывают достаточно разумны, чтобы предпочесть полезное порицание опасной похвале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.